

Немецкие колонии на Волге

29 июня [1843 г.], после полудня, достигли мы первой немецкой колонии Шафгаузен. Еще прежде чем мы въехали в деревню, мы почувствовали уже охватившую нас немецкую атмосферу по нескольким женщинам в немецкой крестьянской одежде, возвращавшимся с поля и вязавшим чулки. Я нигде не видал русских крестьянок за этой работой, по крайней мере они никогда не вяжут во время прогулки. Впрочем, большинство русских крестьян и не носит чулок, а обертывает ноги тряпками. В самой деревне обозначился также немецкий обычай: перед каждым домом посаженные деревья и хорошо держанный огород, окруженный плетнем.

Распределение домов немецкое, но архитектура дома почти русская, с маленькими колоннами, балконами и навесами. Расположение дома представляет смесь немецкого с русским; в углу комнаты висит русский образ, хотя жители лютеране. Все движимое — постели, домашняя и кухонная утварь, одежда — немецкое. Первые колонисты пришли сюда из разных мест Германии, каждый принес с собой свою одежду, свои нравы. Поэтому здесь все перемешано, и в результате эта смесь стала в свою очередь прочным обычаем. Только в этих деревнях, в которые первые колонисты пришли из одной местности, удержались некоторые нравы и обычаи их прежней родины. Этот клочок Германии на границе Азии, при Волге, производит особое впечатление. Это не одиночная несчастная колония, а цветущая земля с населением далеко за 100,000 душ и с совершенно германской физиономией.

Мы остановились в этой первой деревне, насколько нужно было, чтоб переменить лошадей. Но нам тотчас довольно резко представилась разница обеих национальностей в мелочах. Тут не было больше ловкого, вежливого и лукавого русского ямщика на козлах, который любезно и вежливо снимал шапку при каждом слове, и которого лошади несли нас в галоп от станции до станции; теперь на тех же козлах тихо покачивался неуклюжий немец, который постоянно обсуживал наперед, должен ли он на наши расспросы вынуть трубку из своего широкого рта и отвечать нам общим местом. О галопе нет и помину; он берег лошадей и требовал от них только легкой рыси. Но упряжь прочная, все сидело плотно; ему не нужно было пять–шесть раз останавливать лошадей, прыгивать с козел, где подвязать веревку, где удлинить ее или совсем отвязать и т. д., что с русскими ямщиками повторялось на каждой станции. Мы проехали несколько часов от Шафгаузена через Гларис, Цюрих, Золотурн (это звучит несколько странно на Волге) до Панинского, где остались ночевать.

Я просил жителей дать мне точные сведения о деревне. Вероятно, Панинское самая старая немецкая колония. Она основана в 1765. Первые поселенцы пришли большею частью с Рейна и из Вестфалии. Мы встретили потомков жителей Майнца, Триера, Бамберга и Падерборна. Господствующее наречие рейнское. Фамилия первого попавшегося колониста этой деревни была Шёнингер. Колонисты поселились тут в дикой степи, на расстоянии около версты от Волги. Пространство между деревней и Волгой занято лугами и

выгоном; тут несколько кустов дуба, ильма, осины и ивы; за деревней в степь идут поля. Этой и еще одной другой колонии, в 1812 году отведен в пользование лес, лежащий по другую сторону Волги. Вначале, когда население было еще слабо, каждый занимал из обширного пространства земли столько, сколько был в состоянии обработать. Когда же население возросло, то они добровольно ввели у себя русское деление земли. Каждые три, четыре или шесть лет, они делят всю землю по душам. Они измеряют всю землю особыми шнурами 10 саженой длины, и затем разбирают участки по жребию. Первоначально отведенной им земли скоро стало недостаточно, и правительство несколько раз, в 1825, 1828 и 1840 гг. прирезывало им новые земли; теперь приходится на душу по 5 десятин распахиваемой земли, следовательно, за исключением парового поля. Земледелие тут трехпольное; в озимом поле сеется только рожь, в яровом пшеница, ячмень, овес, картофель (картофель родится тут лучше на низких местах. Уже первые колонисты привезли с собою картофель из Германии). Табак разводится в довольно большом количестве, местами до 150 пудов на семью. Его покупают чувашаи и мордвина, приезжающие за ним издалека. Масличных растений разводится немного (пуд постного масла стоит в настоящее время 30 к. асс., пуд сала 35—40 к. асс.). Лен и коноплю не производят вовсе. Так как мы не встречаем этих растений на всем протяжении левого берега Волги, то они или вовсе не родятся, или культура их невыгодна ¹⁾). Земля обрабатывается тут плугом в две—три лошади. Озимое поле пашется два раза, яровое — один. Земля не удобряется вовсе, навоз идет на отопление. Собственно табак мог бы хорошо переносить удобрение: сами колонисты говорили мне также, что хлеб, посеянный после табаку, дает только средний урожай, потому что табак слишком изнуряет землю. В деревне 93 двора и 381 душа. У всех у них 582 лошади, 400 штук рогатого скота, 450 овец (для меня не совсем понятно такое относительное количество разных родов скота). Цена лошади от 50 до 150 р. асс., хорошей коровы от 40 до 50 р., молодого быка на мясо 20—30 р. В 1842 г. тут были следующие цены на хлеб: 7 ½ пудов пшеничной муки стоили 22 р. асс., ржаная мука в той же цене, куль овса 8—11 р.; ячмень производится мало и не идет на продажу. Десятина табаку дает в хороший год до 100 пудов. Приготовленный русским способом, он продается по 1 р. 40 к. асс. за пуд; заботливо приготовленный немецким способом, он известен в продаже под именем желтого табака и стоит 8—10 р. асс. за пуд. Но последним способом может быть обработан только табак, выращенный на песчаной почве.

Господствующая пища немецкая. Утром кофе, впрочем большею частью пшеничный или ячменный, мучной суп, картофельный суп, овощи и только по воскресеньям мясо. Осенью режут свиней. Плата годовому работнику, сверх пищи и помещения, 100 р. асс., работнице 50 р. Поденная плата колеблется

¹⁾ Профессор Гёбель утверждает, что в колониях разводится много конопли и льна, но с преимущественною целью добывания семян, из которых бьется масло. Я думаю, что это должно быть отнесено к колониям горной стороны Волги. На луговой стороне я нигде не видал культуры этих растений, но путешественник легко делает заключение к общему от частных фактов, слышанных или виденных им в отдельных местах.

между 80 к. и 1 р. 25 к. асс.; в жнитво она достигает 3 рублей сверх пищи. Некоторые работы сдаются огулом, напр., скосить, связать и убрать десятину ржи 14 р. асс. деньгами, 2 пуда муки и несколько соли и масла; все это вместе стоит около 20 р. асс. Пара сапог стоит 4—8 р. асс. Во время уборки хлеба, крестьяне часто носят лапти, стоящие 12 к. за пару и служащие восемь дней. Синий кафтан стоит 30 р. асс.

Жители этой деревни католики. Тут есть церковь и школа. Школьный учитель получает 130 р. асс., 13 кулей пшеницы, 13 кулей ржи и по 30 к. за каждого ученика. В этой деревне, я был обрадован встречею с потомками одного переселенца из моей родины Падерборна, именем Бернарда Эверса. Он давно уже умер, но его дочь, вышедшая замуж за колониста Циммермана, еще жива. Как трогательное напоминание о моей родине, я нашел тут падерборнский молитвенник, а так как в то время совершались в этом доме крестины, то с этого времени будет красоваться в церковной книге деревни Панинской, на Волге, мое имя, как крестного отца!

Отсюда поехали мы в богатую деревню Орловское. Обработка земли, виденная мною по дороге, порядочная, во всяком случае много лучше соседней русской обработки, хотя не могла назваться образцовой ²⁾, по крайней мере тут заметна обыкновенная трехпольная система. Только обработка табачного поля была рачительна. Здешние колонисты больше занимаются торговлей и спекуляциями, чем земледелием, поэтому от окружающих русских жителей часто слышатся жалобы, что колонисты, вместо того чтоб служить примером хороших земледельцев, скотоводов и ремесленников, бросились в торговлю и спекуляции и испортили русским тем именно отрасли промышленности, которые им наиболее соответствовали. Поэтому я везде встречал в русских ненависть и зависть к немецким колонистам на Волге.

В Орловском, мы посетили одного из старейших колонистов, прибывшего из Германии еще ребенком. Фамилия его Ротермелер, ему было 86 лет. Он родился в Берлине, отец его был лакеем при Фридрихе II, мать из французской колонии. Он обладал еще вполне умственными способностями и рассказывал довольно живо: «Колонисты, у которых он был с своими родителями, сплыли вниз по Волге в 1764 г. В Костроме суда замерзли и они там зимовали. Когда следующей весной они прибыли на это место, оно имело довольно печальный вид. Из домов, которые они должны были найти готовыми, оказалась ничтожная часть, а выстроенные избы состояли из одной только комнаты. Поселенцы едва могли достать необходимый лесной материал. Необходимое количество скота, хлева для них, засеянные поля, — короче, все, что им было обещано перед переселением, они нашли в самом скудном количестве. Между Волгой и Уралом в то время тянулась пустынная, необитаемая степь, по

2) Употребительное земледельческое орудие в колониях — смешанный Веттеровский поворотный плуг с Мергским. Для разрыва земли, особенно нови, служит немецкий острый лемех. При обработке картофельного и табачного поля употребляется большею частью круглый резак. Русская соха встречается везде, где песчаный грунт; но она ничего не стоит, если в почв много пырейных и других твердых корней. Малороссияне употребляют очень неудобный плуг с резаком на лемехе; в такой плуг запрягаются три лошади, а часто и 3—4 пары волов. Только в немецких колониях попадаются железные бороны (Гёбель).

которой кочевали только разбойнические орды калмыков. Наконец, каждый по возможности отстроился и взял в собственность столько земли, сколько мог. Таким образом, вначале образовались большие и маленькие поместья. Когда они сняли первую жатву, то убедились, что земля хороша и плодородна, и мало-по-малу они преодолели нужду. Спустя некоторое время калмыки, которых соседство было очень неприятно, удалились к китайской границе, но их место заступили в степи башкиры и киргизы, дикие, жестокие народы, с которыми им часто приходилось выдерживать тяжелые и кровавые битвы. Первоначально в Орловском поселились 71 семья, которые теперь разрослись в 168 семей. При быстром увеличении населения, правительство отводило им три раза новые земли, а теперь они сверх того арендуют еще часть, так называемой, Башкирской земли, за 80 верст от себя, платя за аренду десятины по 98 к. асс. Кустарник для изгороди они имеют на одном из волжских островов». — Первоначальное неравенство в земельной собственности было исправлено впоследствии, принятием принципа русского равного дележа земли.

Старый Ротермелер говорил, что женщины их очень много заняты по домашнему хозяйству и обработке табака, зимой при отоплении соломой и кизяком, смотрение за огнем требует столько внимания, вязанье чулок и починка белья отнимают столько времени, что о пряже и тканье нечего и думать; поэтому холстину и сукно они покупают.

Около полудня мы прибыли в колонию Катериненштадт, где были дружески приняты пастором Валбергом, живым и любезным человеком. Он свел нас к одному колонисту, богатейшему местному купцу, Зейферту, который сообщил нам некоторые сведения о торговле. Главная торговля тут хлебная. Торговля ведется исключительно на наличные деньги, причем в употреблении контракты сроком на год и более. Крупные русские хлебные торговцы в Астрахани, Нижнем и пр. довольно надежны. Немецкие купцы торгуют не только колонистским хлебом, но закупают его на большом пространстве. У них свои суда на Волге, но, кроме того, они нанимают множество судов. Хлеб идет и вверх и вниз по Волге. Вниз, в Астрахань, отправляется только мука, почему здесь, и в особенности около Саратова, бесчисленное количество ветряных мельниц. Из Астрахани мука идет частью в Персию, частью расходуется по берегам Каспийского моря. Вверх по Волге идет почти только одна пшеница и часть колонистского табака. Товары отправляются до Нижнего и до Рыбинска. Обрато сверху везутся бревна, доски и т. п., а из Астрахани обратного груза нет. Судохозяева обыкновенно нанимают бурлаков от помещиков; теперешняя плата человеку, за путину в Нижний или в Астрахань, 50 р. асс. Из этой цифры 22 р. выплачивается вперед на оброк помещику, а остальные выдаются постепенно во время пути. Бурлаки возвращаются домой обыкновенно пешком и весь заработок их заключается в том, что они заплатят оброк господину и прокормят себя во время своего бурлачества.

Мы расстались с нашими соотечественниками утром 1 июля и около 8 часов прибыли в малороссийское село Покровское, напротив Саратова.

Но прежде я передам следующие сведения о приволжских немецких колониях.

Указом императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 года приглашались в

Россию, в тогда еще необитаемые приволжские страны, преимущественно немецкие колонисты. Главное переселение длилось от 1764 до 1776 года. Колонии основались по обеим берегам Волги, от Николаевска до Саратова, но более по левому берегу, чем по правому³⁾. В 1773 всех колонистов было 11,986 мужчин и 11,198 женщин. В 1806 году общее число их состояло почти из 40,000 человек, в 1836 их было 53,476 мужчин и 53,458 женщин = 108,934 человека об. п., в 1838, их стало 117,880 человек, в настоящее время, наверно, более 150,000. Больше $\frac{2}{3}$ из них лютеран, из остальных большая часть реформаторы, меньшая католики. Переезд их и первое обзаведение обошлось русскому правительству в 5,199,813 руб. сер.; эти деньги колонисты обязались возратить постепенно, и теперь, после того как русское правительство скинуло с них 1,210,197 р. сер., за ними остается только 300,000 р. При быстром возрастании населения, правительство в различное время прирезывало им вновь земли. В настоящее время земля их простирается по левому берегу Волги полосую до 48 верст ширины, но этого уже недостаточно, почему почти каждая колония арендует еще участки Башкирской земли за 100—120 верст. Во всех колониях было только 85.500 лошадей, 238,000 штук рогатого скота, 122,000 овец и 92,000 свиней. Колонисты были совсем избавлены от рекрутской повинности и освобождены от податей на 31 год. По истечении этого срока на них возложены были обыкновенные подати государственных крестьян, именно: 3 р. асс. подушных, 10 р. асс. оброку и 2 р. 30 к. асс. различных общественных сборов на каждую мужскую душу. Но все эти подати были иначе названы, и, согласно желанию колонистов, переложены с душ на землю. Правительство назначило в настоящее время общую цифру всего сбора с них около 800,000 р. асс.⁴⁾; эта цифра составилась из перемножения общего числа мужских душ по последней ревизии на 15 $\frac{1}{2}$ р. асс., т. е. величину податей с государственных крестьян. Эту общую сумму переложили на землю таким образом, что всякая десятина без различия в достоинстве обложена одинаковой цифрой. Теперь не справляются о количестве мужских душ в отдельной колонии, а узнают только, каким количеством земли она пользуется, предоставляя самой колонии распределить всю плату между своими членами. Министерство государственных имуществ сделало бы очень хорошо, если б поручило знающим людям произвести размежевание колонистских земель и снять с них верные планы, чтобы на них основать поземельный налог и, таким образом, постепенно перевести подати с лиц на землю. Измерения, давно уже сделанные

3) На левом берегу Волги 56 колоний, на правом — 46; все вместе они образуют 10 округов.

4) На 1834 год подати распределялись следующим образом:

1. Государственная подать по 13 руб. асс. с ревизской души.	405,398 р. — к.
2. Общественных сборов по 25 коп. с души	7,796 „ 12 $\frac{1}{2}$ „
3. На водяные сообщения по 5 коп. с души	1,559 „ 22 $\frac{1}{2}$ „
4. На содержание высших чиновников 95 коп. с души	29,635 „ 25 „
5. На духовенство и школы, на представителей общины и округа, писцов и т.д.	256,717 „ 82 „
	<hr/>
	701,176 р. 42 к.

Так как государственная подать увеличивается с возрастанием населения, то в настоящее время цифру сбора с колонистов можно наверно принять в 800,000 р. асс.

колонистами, должны быть по возможности правильны, так как в этом заинтересован каждый из них; эти измерения, как мне кажется, могли бы послужить основанием.

Семейное устройство — немецкое. Отец назначает обыкновенно кого-нибудь из сыновей, а за неимением их, из дочерей своим преемником по дому. Тут никто не признает преимущества старшего или младшего. Отец же назначает приданое и части, следующие всем детям. В случае, если после смерти родителей, останутся малолетние дети, то все имущество их продается под наблюдением определяемого общиною опекуна, и вырученные деньги делятся между детьми. Если остающаяся вдова — способная женщина, то она может сама продолжать хозяйство или опять выйти замуж. Такие естественные отношения образуются везде сами собой, хотя и не вошли в Формальное узаконение.

Сельское устройство взято с немецкого образца. Во главе общины стоит ежегодно избираемый староста; вместе с двумя стариками, двумя заседателями и писарем они составляют общинный суд; каждые 4—6 колоний образуют округ под управлением окружного начальника и двух окружных заседателей, избираемых на три года.

Всеми колониями заведует так называемая колониетская контора в Саратове, состоящая из директора или главного судьи, двух заседателей и 1 секретаря. Эта контора заведует всей администрацией, полицией, гражданским и даже частью уголовным судопроизводством. В разборе дел колонистов между собой только одна контора компетентна. В уголовных делах она одна производит следствия и постановляет решения коллегиально с окружным судом. Все гражданские дела колонистов с лицами прочих ведомств разбираются представителями обоих ведомств коллегиально. Апелляции поступают в 1-й департамент министерства государственных имуществ.

Прежде колонии находились под управлением министерства внутренних дел, но со времени учреждения министерства государственных имуществ они подчинены последнему.

Немецкие колонисты, по коренному немецкому характеру, питают глубокую привязанность к царствующему дому. Они рассказывали с трогательной любовью о посещении Наследника, бывшего тут несколько лет тому назад, дружески с ними говорившего и внимательно расспрашивавшего об условиях и обстоятельствах их жизни.

Гакстгаузен, А. фон. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1 — М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870, с. 363-370.